

*Елена**Мальчевская*

БЕЗ ПОВОДКА, БЕЗ ПОВОДА

Есть два голоса, и первый говорит мне: «Пиши!»

Второй голос спрашивает: «Для кого?..»

А первый отвечает: «Для уже умерших, которых ты любишь».

Джон Берриман

Кто это? Да, в короткой коричневой куртке, с рюкзаком. У нее растрепалась прическа. Кто эта девушка? Я стою и курю под кленом, всматриваясь в лицо. Девушка шагает, поправляет лямку рюкзака... Вообще-то это я. И я не курю.

Я где-то читала, что, когда человеку больно – очень больно, он как будто бы отделяется от тела и наблюдает за собой со стороны. Поэтому я воображаю, что стою под кленом, курю и смотрю, как я иду по обочине. Под кленом, потому что очень люблю это дерево, а курю, чтобы не стоять просто так. Не то чтобы мне больно... Просто мне кажется, что я умерла. Та Лена, которой когда-то было семнадцать, которая ходила по улицам маленького города на берегу большого озера, умерла, а теперь живет какая-то другая. Но я зачем-то помню о той, что была раньше. Иногда мне кажется, я вижу ее спину на улицах того самого маленького города. Хочу догнать ее и спросить: «Зачем ты приходила?» Но ноги становятся недвижимыми, как во сне...

Я бросаю окурок под ноги. Той девушки, которая идет, нет. Той, которая стоит под кленом, тоже нет. В этом городе меня нет на самом деле. Или есть та, о которой никто не знает. Иногда мне кажется, что и этого города не существует.

Да, вы можете прямо сейчас подойти ко мне и, например, взять за руку, но это не рука той девушки, которая сейчас отправится на прогулку. Да, вы можете приехать в этот город и пройти теми же улицами, но не найдете и следа рассказанного. Пойдите под кленом. Если хотите – курите.

* * *

Я открываю дверь и встречаю дядю Вову. Это мой крестный. Лучший папин друг. Им скоро будет по семьдесят, а они говорят друг другу Шурик и Вовка. Дядя Вова живет в каком-то далеком северном городе, приезжает редко. Мы виделись давно. Я открываю дверь. Он смотрит на меня и тихо выдыхает: «Тетя Женя». Тетя Женя – это папина мама, моя бабушка. Говорят, что я на нее похожа. Те же глаза. Высокий лоб. Ноги циркулем. Непростой характер. Четверо мужей. Шутка. Только половина лица и ноги. Но этого хватает, чтобы дядя Вова представил, что он молод, что ему 25, а дверь открывает тетя Женя.

Я рассказала эту историю для того, чтобы вы не сомневались – меня нет. А теперь прогулка...

* * *

Если выйти из калитки и свернуть налево, то почти сразу окажешься на улице Лобанка и увидишь коричневый домик Лаптевых. Звучит как море, правда? Я не помню этих старичков. Только фамилию. И еще их дочку и внука, которые почти каждый вечер ходили под нашими окнами. В пять часов – туда. В восемь – обратно. Старички давно умерли. Домик продали. Скоро снесут. Построят магазин. Маленький такой провинциальный магазинчик, хозяева которого будут торговать стройматериалами, обувью или бытовой техникой. Мне нравится только фамилия – Лаптевы.

А вообще, неважно, что за домики и кто в них живет. Когда я иду под тополями по улице Лобанка, я думаю не о соседях, а о тебе. Как хорошо было бы сейчас держать твою небольшую для мужчины руку (почти такую же, как моя) в правой, драгиваясь до холодного браслета часов. Или в левой, проводя большим пальцем по шраму-кляксе у запястья. Никак не могу запомнить, с какой стороны от мужчины должна идти женщина. Но это неважно: мы вряд ли окажемся вместе на этой улице. Нет-нет, это не любовная история, что вы... Просто когда-то под этими тополями я думала о тебе. Если идти к Советской – о тебе. А если обратно – о бананах.

Возле библиотеки растет куст акации, рядом с ним высокий бордюр. Когда тебе немного лет, то это большое удовольствие: пролезть под ветками на бордюр и пройти 20 метров такой же высокой, как папа. Однажды папа пришел домой и сказал: «В гастрономе дают бананы». Пока мы добрались до гастронома, бананы разобрали. Возвращались домой мимо акации. Я лезла под ветки и думала: «Интересно, а бананы какие? Круглые?». Потом, уже на журфаке, я рассказала эту историю однокурснику. «А я ходил в детский садик в ГДР, – рассказал Антон в ответ. – Каждое утро мама давала мне банан. Я топтал его ногами и плакал». Зато я знаю, что самые простые вещи в мире могут казаться непостижимыми, и ты с этим ничего не сделаешь.

* * *

В этой истории не будет сюжета, потому что прогулки бессюжетны. В городских прогулках есть только улицы.

Эта история чуть-чуть похожа на портрет. Но часто в портретах не бывает сюжета – только детали.

Все, о чем я вам расскажу, – улицы и детали.

Моя мама боится того, что я пишу. Лучше бы я вышла замуж и родила ей двух внуков. Чтобы они говорили ей: «Баба!», ходили за ней по двору вокруг кирпичного дома, нюхали цветы на ее клумбах, шумно вдыхая призрачные ароматы маленькими ноздрями, и таскали за хвосты двух наших кошек. Каждому внуку – по кошке. Но я пишу. «Мне страшно от того, что там у тебя в голове», – говорит мама. Ничего страшного, мама, не бойся. Только улицы и детали.

* * *

В одном окне на Интернациональной видно Ленина. Я заметила его, когда ходила на дополнительные занятия по истории к Ольге Францевне.

Я часто заглядываю в окна, когда иду по улице. Особенно люблю кухонные. С абажурами и шкафчиками. Если свернуть с Войкова на Интернациональную, то в самом первом окне первого этажа углового дома можно увидеть портрет Ленина. Он стоит на секции в квартире без штор и, прищурившись, посматривает на прохожих.

– Ольга Францевна! Я видела Ленина. В окне на Интернациональной.

– Я тоже его видела, когда шла домой с вокзала, – спокойно говорит Ольга Францевна.

Ее двор и двор психиатрической больницы разделены общим забором. Когда-то в этом доме жил один из врачей. Ольга Францевна купила его вместе с обширной библиотекой по психиатрии. Прочла кое-что, обнаружила у себя ряд симптомов, потом собрала книги в стопочки по размеру и сложила повыше в кладовке.

Однажды я пришла в районную библиотеку и попросила новый номер литературно-художественного журнала «Мы».

– Мы его больше не выписываем.

– Почему?

– Потому что его спрашивают только два читателя.

Через несколько лет я сидела на кухне у Ольги Францевны. Пахло пловом, котрый «доходил» на плите. Мы пили чай с конфетами. Нежная шоколадная начинка.

– Я читала эту повесть. Ее печатали в журнале «Мы», – сказала я, услышав знакомое название.

– Я тоже прочитала ее, когда наша библиотека выписывала этот журнал, – ответила Ольга Францевна.

Мы нечаянно делили редкие находки. У Ольги Францевны было спокойно и весело, хотя ее дом стоит рядом с психбольницей. В нем никогда не оставались жить коты, но котята появлялись регулярно. Потом, правда, с ними обязательно случалось что-то несовместимое с жизнью. И Ольга Францевна говорила, что не пойдет на опознание: ее или не ее кот лежит за остановкой, насмерть сбитый машиной. А еще с улицы было не разглядеть, что там, в ее окнах.

* * *

Улица Карла Маркса (кажется, не советских названий в этом городе нет) упирается в мост. Если перейти по нему через реку и свернуть налево, окажешься возле больницы. Это единственное здание в городке, где есть лифт.

– Таня! Санитарка! Таня! Санитарка!

Мы с Аней оставляем партию в шахматы и идем искать Таню. Старушка, которая кричит, – лежачая. Мы с Аней – ходячие и интеллектуально развитые. Не только играем в шахматы, потому что не спится, но и понимаем, что своими криками старушка сейчас перебудит все отделение. Или замолчит и перевыполнит план по смертности в терапии. А Таня... А Таня, наверное, уехала на лифте в неврологию. Или в хирургию.

Мой лечащий врач тоже все время меня теряет. «А где эта девочка из пятой палаты, которой никогда нет в пятой палате?». Я пытаюсь ей объяснить, что мне назначили физиотерапевтические процедуры как раз во время ее обхода. Она не слушает, а рассматривает книги на стуле возле койки. Достоевский, киносценарии и какой-то роман о советских ученых, который принесла мама. Врач не намного старше меня. Ее занимают мои книжки и вообще появление студентки факультета журналистики в отделении, переполненном бабками, которые помнят, кто был полицаем при немцах.

– У вас воспаление верхней доли правого легкого. Пятнышко небольшое, но плохо, что в верхней части. С верхушки легкого начинается туберкулез.

Я молчу и глубоко дышу. Девушка прикасается холодным фонендоскопом то к спине, то к груди.

– Хрипов нет, – врач прячет фонендоскоп в карман и выходит из палаты.

Я пробую читать, а потом спускаюсь в больничный дворик.

Август в этом году прохладный. Воздух звонкий и хрусткий. Я хожу по дорожке вдоль декоративного заборчика: от молоденького дуба до калитки и обратно. Останавливаюсь у дерева, рассматриваю прожилки листьев на солнце и думаю: что случится, если у меня обнаружат туберкулез?

Мама приходит вечером. Выкладывает на тумбочку бананы, ставит пакет сока и говорит, что мы с врачом дуры. Через четыре дня меня выписывают.

* * *

Чтобы быть здоровой, нужно ходить на стадион, который занимает почти целый квартал между улицами Советская, Войкова, Лобанка и Буденного. В хорошую погоду наш учитель физкультуры проводил уроки на стадионе.

Мне тяжело давались короткие дистанции. Нормативов, с которыми я финишировала, не было в таблице с оценками. Мне нельзя было поставить даже «два». Физрук цокал и что-то писал в журнале. Я не могла восстановить дыхание. Мне было все равно.

Длинные дистанции я бегала лучше. На «тройку». Единственным упражнением, которое мне удавалось, были прыжки в длину. Может быть, потому что я поняла технику прыжка? Нужно помочь руками, «подхватить» себя, когда прыгаешь. Летишь, выпрямляешься, оглядываешься – а твои пятки далеко от линейки самого верхнего норматива. Над нотной линейкой. Музыка. Физрук всегда удивлялся. И ставил черточку мелом возле моей пятки. Дополнительная линейка. Ее не перепрыгивал никто.

Но больше всего физрук удивился, когда мои стихи напечатали в районной газете. Он вряд ли был ценителем поэзии, но это же удивительно: девочка, которая финиширует с несуществующими нормативами, пишет стихи и их печатают в газете (а значит, они чего-то стоят!).

В аттестате у меня стоит очень хорошая оценка по физкультуре. Не напечатал редактор тогда два моих стихотворения, стояла бы просто хорошая – аттестат физрук никому не портил. Я считаю, что это справедливо. Оценка досталась мне за то, что я поняла: у каждого свои нормативы. А еще из-за этих стихов в меня влюбился одноклассник. Но я как-то легкомысленно к нему отнеслась. Слушала, что он говорит мне по телефону, и смеялась. Теперь я пишу только интервью и рецензии. В меня никто не влюбляется.

* * *

Сразу за стадионом, на Советской, – школа. Старое довоенное здание. В войну там был немецкий госпиталь, рядом с госпиталем – кладбище. Недавно на его месте построили новый универмаг. Когда копали котлован – доставали из земли челюсти с золотыми зубами. Но мы совсем не думали об этом, когда учились. В школе нужно было делать лабораторные по физике и стирать ногой черные полосы с линолеума, если ты дежурный.

Меня удивляют люди, которые знают географию. Наш учитель географии Александр Васильевич носил темно-синий костюм и галстук. Я никогда не видела его в другой одежде. Он никогда не садился за стол на уроке, непонятно почему. И никогда не оставался в учительской на перемене, потому что там были одни женщины. Бежал в спортзал (его построили отдельно от школы) к физруку. По снегу. В одном синем костюме. Зажав сигарету губами и жмурясь от ветра.

Он удивил меня три раза. Первый, когда к нему пришли две воспитательницы из детского сада и попросили физическую карту, чтобы рассказать детям о двух полушариях Земли. Александр Васильевич, который приносил в школу все, что

у него было: глобус, книги, указки, что-нибудь в класс (когда у него еще было классное руководство), – не дал. «Они же вобьют детям в головы, что «зелененькое» – это травка, а «желтенькое» – это песочек. А мне потом шесть лет выбивай: «зелененькое» – равнина, а «желтенькое» – горы», – рассказал он нам.

Второй раз я удивилась на летней практике. Из-за красивого почерка меня не отправили полоть свеклу, а усадили за какую-то оформительскую работу. Я почти закончила – и вдруг написала цифру не в ту колонку. Нужно было все переделывать. Лучше бы я полола свеклу. Александр Васильевич, который руководил практикой, почесал затылок и полез в стол за лезвием. Он стер фломастер с ватмана так, что никто не заметил. Лист был идеально ровным. «Ко мне даже с накладными приходили», – подмигнул географ. Я написала цифры правильно.

В третий раз я случайно узнала, что он любит книги про индейцев. «Ага, такую я еще не читал!», – Александр Васильевич вертел роман в руках и, казалось, принохивался к страницам. Тогда все читали «черные» детективы и смотрели сериалы про ментов. Он стоял с этим романом как инопланетянин. «Про индейцев», с одной стороны, было старомодно, с другой – по-мальчишески.

Меня удивляют люди, которые знают географию. По памяти скользят по береговым линиям, вспоминая названия городов. Говорят что-то вроде: «Потом через перешеек – и вглубь Китая». Александр Васильевич научил меня удивляться. У каждого свои нормативы.

Наш географ преподавал еще лет пять после того, как мы выпустились. Он выпивал. Из школы его уволили. Чем он занимался в последние годы, я не знаю. Недавно он пришел домой, лег на диван и умер.

* * *

Пойдем в другую сторону. На улицу Горького или на улицу Калинина. В детстве мы с папой ходили в краеведческий музей. Первый зал – зал дикой природы с чучелами животных – нравился мне больше всего. Сначала безобидные птички, потом бобры и зайцы, а потом (самое страшное) рыси, волки с осками и бурый медведь. Между нами – только тонкая музейная веревочка-ограждение. Я пряталась за папу и замирала.

Недавно я попала в этот же музей на выставку художника-авангардиста. Оказалось, что известный художник, который пишет руки без художественного решения, тоже родился в этом маленьком городе. И к юбилею привез выставку.

Зал с картинами был закрыт. «Подождите десять минут, – сказала мне билетерша. – Можете пока посмотреть музей». Я пошла в первый зал. Тонкая музейная веревочка отделяла меня от облезших чучел.

Билетерша шла следом: «А хотите, я вам птичек включу?». Кажется, я чем-то симпатична этой женщине. И вот сейчас из зеленого советского репродуктора польется пение птиц, а вокруг будут стоять облезлые чучела. «Нет, спасибо, не нужно. Птичек я уже не выдержу...».

* * *

А вы помните сказки? Чтобы человек ожил, его сначала надо полить мертвой водой, а потом живой. Но сначала мертвой.

* * *

Кроме людей, которые знают географию, меня всегда удивлял феномен фантомных болей. У человека уже нет ноги, но ему кажется, что она болит...

В этом городе живет фантомная собака. Три года назад Берту закопали в саду под яблоней. А я все равно выхожу из дома и жду, что сейчас она прибежит. Спра-

ва или слева? Когда я закрываю дверь, смотрю, чтобы не прищемить ее любопытный нос. Машинально. Никак не отвыкну. Чем тебе пахнет там, собака?

Недавно она приснилась маме. «Представляешь? Лежит на земле в луже под дождем и смотрит на меня. Я вижу, что она на цепи. И спрашиваю тебя: почему ты ее не отвяжешь?», – рассказывала она отцу.

Дождило. В саду стояли лужи. «Наверное, ей мокро...», – сказал папа.

* * *

А мне недавно приснилась моя крестная, тетя Рая. Пришла в светло-коричневом драповом пальто. Все мертвые почему-то приходят в пальто. Бабушка Женья приходила в темно-синем. Наверное, там холодно. Ты смеялся надо мной: «Не придумывай. Там ничего нет». Когда я буду смотреть на нас из-под клена, я приснюсь тебе. Приду в розовом пальто без одной пуговицы. Ты приставишь палец к пустому месту и спросишь: «А где пуговица?». Я пересчитаю четыре оставшихся и улыбнусь: «Куколка, балетница, задавала, сплетница – все на месте». Мы помолчим, а потом я шепну на ухо: «Собака отгрызла». И ты проснешься. Выйдешь курить на балкон и подумаешь: зачем она приходила?

* * *

Девушка, которой нет. Город, которого нет... Вдруг все становится простым и поддающимся описанию...

Я бы сняла о себе фильм, короткометражку.

Несколько секунд слякоти, маленьких домиков и больших домов, деревьев без листьев, светлых машин, забрызганных грязью... Снег падает и тает. Камера оста навливается. Кирпичная пятиэтажка. Огромное окно без штор на первом. Серое стекло. Деревянная некрашеная рама. И в этом огромном окне маленькая голова маленькой собаки (только голова), которая бесстрастно смотрит на улицу. Секунда – р-р-р-раз – из-под подоконника рядом с собакой появляется голова девочки (оторвалась от книги и глянула в окно). Они вдвоем бесстрастно смотрят на улицу. Камера разворачивается на сто восемьдесят градусов. Под окном стою я. Смотрю на девочку и собаку. И все, что до этого видел зритель, он видел моими глазами.

Вот и вся я, кажется...

* * *

Я выкопала ямку под кленом. Несколько стеклышек (даже одно зеленое), фольга из пачки от сигарет и пуговица. Секретик. Но все равно похоже на похороны. Закапываю и затапываю. Быстро. Пока девушка в короткой коричневой куртке идет мимо. Мне нужно успеть до того, как она свернет на другую улицу.

Елена Александровна Мальчевская родилась в 1988 году в Беларуси. Окончила Институт журналистики Белорусского государственного университета и аспирантуру при нем. Главный редактор литературно-художественного журнала «Польмя». Автор книги сказок «Ша-ша из левого ботинка». Активно сотрудничает с различными СМИ как театральный критик и журналист.

